

АЛЕКСАНДРА
КУДРЯВЦЕВА

Марека

Александра Кудрявцева
Марека (сборник)

Издательский дом «Сказочная дорога»

2019

УДК 793.7:008(470.11)
ББК 71.0(2Рос-4Арх)

Кудрявцева А. Ю.

Марека (сборник) / А. Ю. Кудрявцева — Издательский дом
«Сказочная дорога», 2019

ISBN 978-5-4329-0180-4

В глухой северной деревне, где и по сей день живут потомки древнего народа, именуемого чудью белоглазой, родилась девочка. Волею судеб в девочке-полукровке слились и перемешались два древних, совершенно непохожих рода, две крови – русских северных крестьян и крымских караимов. Это история о непростых характерах и судьбах, о поисках себя, своих корней и предназначения в этой жизни.

УДК 793.7:008(470.11)

ББК 71.0(2Рос-4Арх)

ISBN 978-5-4329-0180-4

© Кудрявцева А. Ю., 2019
© Издательский дом «Сказочная
дорога», 2019

Содержание

Марека	6
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	21
Глава 10	24
Глава 11	25
Глава 12	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александра Юрьевна Кудрявцева **Марека**

Роман, пьеса, рассказы

© Кудрявцева А. Ю., 2019

© Катинаускиене А. Г., иллюстрации для обложки, 2019

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление, 2019

Марека Роман

Часть I Иудейская скала

*Я соберу все народы, и приведу их в долину Иосафата, и там произведу над ними суд за народ Мой и за наследие Мое, Израиля, который они рассеяли между народами, и землю Мою разделили.
Книга пророка Иоиль, Библия, Ветхий Завет*

Глава 1

В мае, когда юркие ящерицы выползают погреться на теплые камни Иудейской скалы, каменные надгробья Иосафатовой долины густо покрываются глянцевым зеленым плющом.

* * *

В мае, когда на Северной Двине пошел лед, Ольга родила девочку. Родители шумели, из дому прогнать грозились – как без мужа-то, а люди что скажут, как соседям в глаза смотреть! К радости Ольги приехал в Архангельск из глухой деревни дед Илья. «Ты, Ольга, девку-то Марекой назови. Пусть хоть в имени деревня наша останется. Она спросит – ты расскажешь, ее кто спросит – и она расскажет, так и будет земля-то наша вспоминаться. Девка у тебя чернявая больно получилась, не нашей породы. Ишь, глазищи какие, как уголья. А кожица белая – прямо кукла фарфоровая. Сама-то помнишь хоть, от кого? Ладно, ладно, молчу. Обратного не засунешь. Молодец, что родила, правнучкой порадовала. Бабка-то жаль, не дожила. Ежели тут кто не так смотреть будет, ко мне приезжайте, выкормлю». Дед гостил недолго, оставил гостинцев целый короб и богатую лисью шубу, которую внучке на свадьбу берег. Родители при нем поутихли, успокоились, и жизнь пошла своим чередом, как у всех, – так со стороны казалось.

* * *

С московскими родственниками встретились, когда Марека закончила первый класс. Жарким июньским днем, ошалеv от столичной сутолоки, Ольга с Марекой отыскивали наконец нужную арку на Большой Садовой и попали в глухой тенистый двор. В воздухе висел тополиный пух, по-снежному опускался на голую сухую землю, покрывал облупившиеся подоконники и деревянные скамьи. Марека закинула голову, чтобы понять, откуда он прилетает, споткнулась перед подъездом, в кровь разбила коленку и, то ли от волнения и усталости, то ли от боли, не смогла сдержать громкий, отчаянный рев. Рев дошел до верхних этажей, вылетел из каменного колодца и растаял где-то в ярком, горячем небе.

С тех пор в дом на Садовой Ольга привозит Мареку каждый год. Ей уже исполнилось четырнадцать. За эти годы яма перед подъездом стала шире и глубже. Чтобы не споткнуться, Марека входит в дом с опущенной головой, внимательно глядя под ноги. Те же неровные, стоптанные ступеньки в парадном, те же деревянные, черные от времени и множества рук перила. По ступенькам надо бы идти аккуратно, потому что в парадном темно, но мама слегка под-

талкивает в спину: «Живей, живей давай! И так уже опоздали. Они ждать не станут, у них Ритуал! Ох и угораздило же меня...». Ее нервное ворчание перед лифтом, громкий удар тяжелой железной двери, хлопанье деревянных створок, неизменное: «Где они там живут? Забрались под самую крышу, как грачи!» Дрожащий мамин палец с силой продавливая круглую кнопку, лифт издает животное-заглатывающий звук и туго ползет вверх. Для Мареки ритуальное действие уже началось.

Грачи – потому что черные. Под крышей живут голуби. А грачи в гнездах, на деревьях. С этими так и не произнесенными вслух словами Марека уже седьмой год подряд оказывается перед дерматиновой дверью, обитой круглыми рифлеными гвоздями. Еще один выпал. Теперь будет готовиться вон тот...

Дверь неожиданно отодвинулась внутрь. Видно, кто-то открыл, проходя мимо. Еще один мягкий толчок в спину – и Марека внутри. Мама сзади, за ее спиной.

– Кто? Кто там?

В квартире душно, жужжит вентилятор, пахнет горячей едой, резкими духами. Знакомые запахи и звуки подтверждают, что все уже собрались.

– Ну, наконец-то! – Бабушка выходит из кухни, царственно снимая передник и поправляя собранные в пучок густые, с редкими серебряными нитями, волосы. – С приездом! Ты опять подросла. Скоро Александра перегонишь. – Нет бы сказать «папу». Не поворачивается у нее язык, как и у всех. Папа он только в ее новом свидетельстве о рождении. В старом не было, прочерк стоял.

Похожие между собой, как шахматные фигуры одной масти, родственники вдруг и все сразу выстроились в коридоре. В эти минуты Мареке хочется убежать, улететь, исчезнуть, но она стоит и мужественно смотрит в пол. Выжидает, когда родня рассмотрит ее непомерно выросшие ноги, дырку в носке, подло вылезавшую вместе с пальцем из босоножки, ее новую, сделанную специально к Москве прическу каре, которая неожиданно подчеркнула тяжесть и черноту волос, еще больше удлинит худую шею и резче обозначила фамильный нос.

«Я тоже похожа на грача», – подумала про себя Марека в парикмахерской.

– Здравсьте всем! Не опоздали? Поезд у нас задержался. Принимайте ваше... – Конец куда-то замялся. Нет, не отродье. И не сокровище. Непонятно что, и это обидно. Мама в этой компании совсем чужая. Невысокая, коренастая, светловолосая и бледноглазая, с широкими веснушчатými скулами и мальчишеской стрижкой. Когда волнуется, от макушки до кончиков пальцев заливаается горячей краснотой и начинает сильно окать. – А Саша-то здесь? Не вижу что-то...

– Он сейчас выйдет.

Марека знает, что мама ждет от нее каких-нибудь слов, но в игру не включается. «У него живот прихватило со страху. Не любит он этих встреч. А для них я по-прежнему музейный экспонат».

– Я очень тороплюсь сейчас, тоже ведь опаздываю. – Ольга всё подталкивает дочь вперед, в самый центр образовавшегося круга, пытается за ее спиной незаметно скрыться. – Приеду за Марекой через три дня, там и поговорим. Вещи в сумке. – Сумка рухнула прямо на ногу и закрыла наконец ужасную дырку в носке. – Сейчас не могу ждать. Шурику от меня привет. Держись, будь умницей, – это совсем тихо, в ухо Мареки. С тем же животным звуком лифт унес теплую надежную маму вниз. Представления не получилось. Зрители стали расходиться.

– Как на Сашу похожа!

– На Лёву она похожа еще больше. Помнишь, когда он был молодым, тоже был такой же смешной, худой и длинноногий.

– Ничего удивительного – дед все-таки. Подрастет девочка, оформится, еще, глядишь, красавицей будет.

– Чтобы из этого утёнка настоящего лебедя сделать, ужас сколько сил приложить надо. Она ведь и не говорит почти, слова не дожدهшься. Ни поздороваться, ни улыбнуться. – Тетки Сима с Ханой в комнате как бы шепотом разговаривают. В этом тоже нет ничего нового.

– Привет, Маш. Чего в коридоре стоишь? У-у, какая длинная стала! – Это папа Саша незаметно из уборной вышел. В эти московские дни Марека будет Машей, Марией или Мирьям. Она растёт, а он не меняется, такой же мальчишка. Худой, жилистый, насмешливая улыбка словно приклеена к лицу, взгляд вызывающий, дерзкий, умный высокий лоб, а волосы по-городскому собраны сзади резинкой в тугий хвост. Сейчас ему тридцать.

Когда родилась Марека, Саше исполнилось только шестнадцать. Такой вот финал получился у культурно-познавательной семейной экскурсии с завлекающим названием «Каргопольское ожерелье», где экскурсоводом была миловидная северная девушка Оля с непривычным, ласкающим слух поморским говорком. Она была такой хрустальной, звонкой, необычной, так весело пела местные частушки, сыпала поговорками, задорно смеялась, запрокидывая голову и задирая вверх курносый, с крупными детскими веснушками носик, что не только Саша, первые в жизни увидевший такое северное чудо, но и его отец, почтенный и уважаемый Лев Аронович, совершенно потеряли головы. Они слушали Олю, глядя ей в рот, ловили ее круглые мягкие слова, балагурили, шутили, демонстративно ухаживали, как будто соревнуясь между собой.

Мать, Руфина Семёновна, – Рути, как ласково звали ее в семье, – облегченно вздохнула, когда путешествие наконец закончилась. Ольга широко помахала отъезжающей группе двумя руками и осталась за закрытыми дверями автобуса. Шурик стучал в стекло, вскакивал с места, даже всплакнул, кажется. И в Москве не сразу расстался со своей светлой грустью, все писал какие-то письма, посылал открытки с видами столицы, повесил над кроватью Олину фотографию, даже хотел пригласить ее в гости. Но родители не поддержали этих порывов, да и Оля, слава Богу, не рвалась в Москву. Руфина Семёновна еще в поездке выяснила, что Оля почти на десять лет старше Шурика, поэтому она, Руфина Семёновна, вправе рассчитывать на Олино женское благоразумие и понимание. Оля пунцово зарделась, удивилась, что он оказался совсем еще мальчиком, а ведь уверял ее, что уже давно совершеннолетний. Конечно, расстроилась, смешно, по-местному, охала и причитала, но женское благоразумие проявила, на письма не отвечала и в Москве не появлялась.

Со временем Шурик успокоился, вернулся к привычной жизни, успешно закончил школу, потом так же успешно историко-архивный институт, остался в аспирантуре, неплохо рисовал и постепенно постигал тонкости табачного дела, готовясь, к радости родителей, продолжить-таки семейный бизнес.

Спустя несколько лет Оля все же написала. Сообщила, что собирается приехать в Москву с дочкой-первоклассницей. Сама никогда в столице не была, но на такую поездку решила ради дочки. В Москве знакомых нет, но надеется на добрую память о ней и о северном крае. Остановиться может и в гостинице, но очень хочет зайти с дочкой Марекой в гости. Письмо было совершенно неожиданным, после каргопольского приключения прошло уже невесть сколько лет, но Шурик и Лев Аронович вдруг проявили небывалую настойчивость, даже стали составлять экскурсионную программу. И вот в начале летних каникул Ольга и Марека впервые появились в этом доме.

После радостного: «О! Кто к нам приехал! Проходите, проходите!» – в прихожей вдруг воцарилась тишина. Оля совсем не изменилась, разве что слегка пополнела и стала больше похожа на женщину, чем на девочку. Но вот дочка! Она не взяла себе ни одной маминой черты. Станным образом она была как две капли воды похожа сразу и на Шурика, и на Льва Ароновича и даже на Руфину Семёновну. У Оли непроизвольно вырвалось: «Ой! А я и не знала, что так...». Руфина Семеновна тяжело опустилась на стул, Шурик прислонился к дверному косяку, а Лев Аронович стоял и, кажется, не дышал. Молчание наконец нарушила Марека: «У

меня кровь из колени. Сейчас гольф замараю». Руфина Семеновна заплакала, Шурик схватил Мареку в охапку и утащил на кухню, поближе к зеленке, а Лев Аронович, оправившись от столбняка, гладил Олю по голове, повторяя: «Что же молчала так долго, что же молчала?»

Осмотр достопримечательностей Москвы пришлось отложить на следующий день. Марека в гостинной листала пыльные книги и толстые семейные фотоальбомы, с замирающим сердцем смотрела из высокого окна на квадрат запорошенного пухом двора и близкий кусок голубого летнего неба.

Старинная мебель на низких гнутых ножках, тяжелые гардины с кистями, от которых пахнет чем-то древним, мягкий огромный ковер на полу – такое богатство Марека видела впервые. Самой особенной в комнате была картина с хитроглазым дедом в массивной позолоченной раме. От падающего света у деда ярко блестела лысая голова. Отовсюду его видно, не двигается, а как будто живой, глазами следит – куда ни спрячешься, везде найдет. То подмигнет, то улыбнется, то нахмурится, то вздохнет будто. С ним Марека и играла остаток дня.

А на кухне Оля тихо рассказывала, как жила со своей странной, молчаливой, не похожей на других дочкой. С детьми не играет, всех сторонится, зимой мерзнет – из дома выйти не заставишь, да и летом не очень-то гуляет, в лес не ходит, в речке не плавает, по ночам кричит часто, а когда не спит, все больше в небо смотрит, как птички летают. В школе ни с кем не дружит, правда, учится хорошо, учительница довольна. Поняла, что пора в Москву ехать и поговорить, если получится. Измучилась с ней – и здоровая, и умная, и понятливая, а как больная. Может, признаете ее за свою и слово какое заветное скажете. Потому что тяжело, видно, девочке без отца, когда она на мать совсем не похожа и роду-племени своего не знает. Может, у вашей национальности свой какой-то подход к детям есть, чего мы не знаем, так помогите советом. С ней и замуж-то не выйдешь, не принимает она никого, как глянет зверьком, сверкнет черными глазами, так и все, никакой любви не складывается. С деньгами не густо, но ничего, живем помаленьку, этой помощи и просить не собиралась, потому как раньше надо было головой думать.

Оказалось, что вновь обретенные родственники не евреи вовсе, как думала Оля, а караимы. С евреями часто путают, но это по незнанию. Про них отдельная история, наспех не расскажешь. Народ немногочисленный – сейчас по всему миру и трех тысяч не наберется, найти родственника всегда большая радость. Семья в этом доме живет со времен постройки, раньше весь доходный дом им принадлежал. Власти потеснили, конечно, за родовое гнездо пришлось изрядно побороться. От Мареки (Откуда у девочки такое странное имя взялось? Она не обидится, если ее будут Марией среди своих называть?) и не думают отказываться. Можно бы и совсем ее у себя оставить, но новость слишком неожиданная, да Оля сейчас и подумать об этом не может – малая еще, без матери нельзя ни за что, а в гости пусть приезжает. Оле по силам помогать будут, и двери этого дома всегда для них открыты. В середине июня отмечается важное событие: собирается близкая и дальняя родня на поминки деда Моисея – знатного пращура, именно с него семья начала свою жизнь в Москве, с тех пор около ста лет прошло. Кстати, его портрет кисти известного мастера, главная семейная реликвия, висит в гостинной. А среди караимов о нем даже легенды ходят. Это большое событие, и Мареке очень полезно будет принимать в нем участие. На том и договорились.

Новую родню Марека приняла спокойно и стала еще молчаливей. Шурика папой называть отказывалась – он на папу-то и не похож вовсе! Но в Москву собиралась каждый раз долго и тщательно. Оля никак не могла понять, с радостью или нет. Ей-то эти поездки – одно мученье. Саша повзрослел, изменился, с Олей встретиться глазами не может, что-то болит у него внутри, видно. Руфина Семеновна подчеркнута вежлива и холодна. Подарок судьбы приняла стойко. А Лев Аронович через год скончался от инфаркта, как раз во второй приезд Мареки. Поэтому привозит она Мареку день в день и убегает скорее, по делам будто. Со временем и дела нашлись – заказов-то много на московские товары. А они справляют поминки по родным,

ездят в свой фамильный склеп, читают какие-то книги, гуляют по Москве, а потом, в назначенный срок, забирает Ольга свое молчаливое караимское чадо с подарками, гостинцами и везет ее обратно в милый сердцу Архангельск.

...А пока Марека стоит в прихожей, с сумкой на ноге и в дырявом носке, который хочется скорее снять.

– Все! Едем, едем! Автобус уже внизу. – И квартира приходит в движение.

Тетя Сима уже несет очередного глиняного поросенка с голубыми незабудками на боках. Сейчас он грохнется о мраморный телефонный столик и рассыплется собранной за год мелочью.

На деревенском кладбище, где прабабушка похоронена, а теперь и дед Илья лежит, маленькая Марека сыпала пшено на могилки и вместе со всеми тихонько шептала: «Птички Божьи, налетайте, бабушку нашу вспоминайте, дедушку нашего вспоминайте».

А на дорожку, ведущую к склепу и на каменное надгробье Моисея, исписанное сплошь иероглифами, молча бросали монеты. Может, это они так долги отдают? Интересно, прилетает ли кто-нибудь на эти денежки и что вспоминает?...

Каждый, выходя из квартиры, берет горстку монет – и вниз, к автобусу.

– Ну что, пошли? – Шурик уже засунул мелочь в карман.

– Мне переодеться надо. Я быстро. Иди, я догоню. – Не дожидаясь ответа, Марека берет сумку и тащит ее в гостиную. Сейчас уйдет Шурик и в квартире никого не останется. Только бы духу хватило. Сидят они все в автобусе, ждут, нервничают, переглядываются и вдруг – БАЦ! А потом и к деду Моисею поедem потихоньку, не торопясь. Марека остановилась перед портретом. То ли свет так падает, то ли догадался обо всем: суров слишком, даже брови нахмурил. Зря ты так, пожил бы в моей шкуре хоть немножко. Тебе же веселее будет. Я с тобой давно встретиться хочу, очень о многом поговорить надо. Интересно, как мы там будем разговаривать...

– Я внизу буду ждать. Дверью не забудь хлопнуть. – Голос Саши затих.

В квартире никого, она одна. Марека снимает носки и босиком идет в коридор, за монетами. Много оставили, на две руки хватило. Осколок глиняного поросенка впивается в ногу. Как не вовремя! Хотя все равно. Медленно идет обратно, в комнату. От портрета отвернулась, чтобы глаз его не видеть. Окно открыто настежь, а ветра нет. Тихо-тихо стало, слышно, как в ушах и в горле сердце бухает.

Сашу начинает тошнить, как будто он не в лифте спускается, а падает с бешеной скоростью в бездонный колодец. Автобуса уже нет во дворе, выехал на улицу, смотрит выжидающе всеми окнами. Строже всех, конечно, мать. Она даже не смотрит, а демонстративно показывает свой недовольный профиль. «Уехать им всем надо! Времени совсем нет», – проносится в голове.

– Уезжайте!! Я документы забыл! Мы на машине догоним.

В открытое окно высовывается кудрявая голова Майки.

– Зачем так кричишь и зачем документы? Поторопи ее, и приезжайте. Там тоже люди ждут. Отправляемся, они своим ходом, – это внутрь автобуса.

Мать даже не повернулась в его сторону.

Саша метнулся обратно во двор. Из-под крыши вылетали и со звоном падали на асфальт монеты. Так не бегают по лестнице, какая-то сила приподнимала и стремительно несла вверх. С разбегу толкнул дверь плечом – открыто. На полу в коридоре кровь, красные следы ведут в комнату, к окну, подоконник тоже весь в крови.

– Машка!! Сто-о-о-й!!

Она уже расправила руки и наклонилась вперед. Саша успел схватить ее в охапку и вместе с ней с размаху упал на пол. Она вдруг закричала, задрожала, начала извиваться, а он крепко вцепился в нее руками и ногами. Во рту, между плотно сжатыми зубами, тоже была вырывающаяся Машка – вернее, ее рубашка.

Глава 2

Сидя на полу, Саша баюкал на руках всхлипывающую Мареку. Несчастливая девочка! Как же она жила все это время! Ольга тогда решила родить ребёнка, несмотря ни на что. Ведь знала, что я не могу на ней жениться. Ни по возрасту, никак. Смелый шаг. Для этих северных людей с их укладом до сих пор не то что дети, а внебрачная связь – страшный грех и клеймо на всю жизнь. Если бы хоть заикнулась, что в такой ситуации оказалась! Для нас-то взять в семью караимского ребенка – обычное дело, такое даже на моей памяти не раз было. Хорошие дети вырастали, разумные, веселые и вполне довольные жизнью. Да вон хоть Майка! Правда, Майкина мать никакой тайны из своей беременности делать не собиралась, заявила сразу, видно, знала, что для Аркадия это важно. Все чин чином прошло, спокойно, культурно. Аркадий с Ханой до сих пор не нарадуются на свою девочку. Мама Света приезжает изредка и тоже вроде на жизнь не жалуется.

А Оля молчала столько лет! Разве можно ее за это винить... Она же просто святая! Это я дурак малолетний был. Да нет, видно, судьба так распорядилась, чтоб с первого раза, который между нами вообще единственным был... А письма отправлять в пустоту терпения не хватило. Надо было съездить через год, ведь собирался же! Что теперь вспоминать, это не кино, где плохой эпизод переснять можно...

Дурак, что эти годы вел себя как последняя сволочь. Какими глазами Машка смотрела на меня, сколько в них было всего! А я хоть раз сделал шаг ей навстречу, поговорил с ней, подержал за руку? От Оли вообще прятался. Все на родню свалил. Отец помог бы, подсказал, он умел. Но вдруг раз – и обширный инфаркт...

Наверное, он все же хотел Машку забрать и маму все настраивал: «Розы в тайге не растут – климат для них неподходящий».

Последние слова вообще только про Машку были, как сейчас помню: «Рути, слушай меня! Слушайте меня! Маша – это... Маша – это...» – и все, и не договорил, умер. Мать сильно изменилась после первого приезда Ольги, а после смерти отца вообще каменной статуей стала. Надо будет с ней поговорить. Ну вот, вроде успокоилась, притихла девочка моя.

– Маш, что это ты вдруг? Обидел кто?

И опять не так. Глупость сказал, просто чтобы сказать. Состояние странное, незнакомое совсем. Как будто нарыв внутри лопнул. Болел-болел и прорвался. И дух захватывает от того, что она впервые так близко, такая незащищенная, тоненькая, такая вздрагивающая и мокрая от слез... Наверное, такие же чувства испытывает женщина, когда только родившего младенца кладут на живот. И это моё самое родное только что могло вылететь из окна!!

– Я не вдруг. Разве я нужна кому-то? Маме плохо со мной. Она, наверное, дни считает, когда вырасту. Чем дальше, тем грустнее становится. Может, она без меня жить по-человечески начнет. Выйдет замуж, родит себе еще детей, будет с ними в деревню ездить, в лес ходить, песни петь. Для тебя я совсем чужая, ты стесняешься меня. Как будто я виновата, что родилась. Да ты же сам видишь, что вся родня меня за ущербную держит. И для тех, и для этих я неполноценная какая-то. Все хотелось сделать что-то, чтоб перестали смотреть снисходительно, чтобы заметили. – Марека впервые так длинно говорит. Глаза закрыты, а внутри как будто пружина сжатая: чуть тронь, – выстрелит.

– Мне часто снится, как будто я иду по выдолбленной каменной дороге. Кругом темно, а дорога под ногами белая. Я иду и сбоку вижу низкие густые кусты. А на них ягоды светятся. Яркие, как звезды. И вокруг надо мной такие же ягоды. Или звезды. Хочу их потрогать, подхожу к кустам, тянусь к веткам – и вдруг падаю, быстро-быстро лечу вниз, дыхание перехватывает, кричу, а крика нет. Иногда кажется, что я могу прыгнуть с высоты и улететь. Особенно

когда плохо. Что-то плохое и ненужное упадет и разобьется, а я буду летать. Ты что, плачешь?!
Никогда не видела, как ты плачешь. Ну что ты, что ты! Ты из-за меня?

Они еще долго сидели на полу обнявшись и плакали. Плакали и смеялись, вытирали друг другу слезы. Вытаскивали осколок поросенка из пятки, перепачкались в Машкиной крови, забинтовывали рану, умывались, переодевались, оттирали пол и подоконник, пили воду, ели холодную баранину, потому что обоим вдруг страшно захотелось есть, и к возвращению родственников уже твердо решили, что Марека в Архангельск не поедет, поживет здесь, в Москве, пока не надоест, к осени найдут школу, в которой можно будет учиться, с Ольгой Саша договорится, а все остальные пусть себе думают что хотят. Посоветовались с портретом Моисея. Тот благодушно улыбался и щурился от солнца. Значит, согласен и доволен. Мнение остальных их уже не волновало.

Глава 3

Марека устроилась в гостиной. Пришлось купить новый матрас на софу, потому что от старых продавленных подушек заболела спина. Все годы, что Марека спала на этой софе во время кратковременных визитов в Москву, она гадала, что там внутри так хрустит и перекачивается. Не давала покоя мысль о драгоценностях, которые зашивались в обивку мебели до наступления лучших времен. Может, и там что-то есть, просто никто уже не помнит об этом. Марека с детства свято верила: в этой квартире обыкновенных вещей быть не может. Поэтому приняла самое активное участие в перемещении подушек на помойку. Их аккуратно сложили за мусорными баками, в стороне – вдруг кому-то еще в хозяйстве пригодятся. А ночью, около двух часов, когда все уснули, Марека тихонько спустилась во двор. Фонарик не понадобился, полная луна светила как большая белая лампа. «В Архангельске сейчас как днем светло, и я вряд ли смогла бы так, увидят и засмеют», – подумала Марека и аккуратно провела бритвой по засаленной поверхности подушки. Оказалось, что хрустел и перекачивался рассыпавшийся в песок поролон, который прилипал к рукам и имел весьма неприятный запах. Ночная помойка под полной луной и процесс поиска сокровищ раззадорили Мареку. Она обошла двор, слезила по пожарной лестнице до третьего этажа, спугнула кошку на балконе и спустилась обратно, потому что выше был прибит железный щит. Выходить на Садовую не захотелось, по шуму было понятно, что в городе жизнь не затихает даже в этот поздний час. В арке показались пошатающиеся мужские силуэты, и Марека поспешила вернуться домой.

Луна светила в окно: Моисей, прищурившись, задумчиво смотрел в небо со своей стены.

– Ну что, не нашла ничего?

Раньше он никогда не говорил, но Марека не удивилась. Она была уверена, что рано или поздно это произойдет. Голос знакомый и слышен не снаружи, а откуда-то изнутри, как будто в наушниках: его хорошо слышно, а саму себя и все остальное – тихо-тихо.

– Не нашла.

– Там и не было ничего. Подушки-то не наши. Софа старая, а это барахло кто-то из приезжих притащил. Может, от соседей или тоже со свалки. За всем не уследишь. Я боялся, что там внутри клопы или тараканы – не люблю эту живность, просто терпеть не могу. По мне они разгуливают как по обоям... – Моисей нервно закашлял, а Марека поежилась, вспоминая, как бесстрашно шуровала рукой в сухом поролоне. – Куда старый атласный матрас вынесли, не помню. Не уследил...

– А там было что-то?

– Было. Фотографии, письма, бумаги. Анечка сама зашивала после того, как Фаину арестовали. С этим покушением шуму очень много было, всю родню, что в Москве жила, на Лубянке держали, все молчали, плакали. Анечка черная ходила. Я ей говорю: не мучайся уже, сожги, здесь не убережешь ничего. А ей жалко: семейный архив, память. Предупреждал ее, что

эта анархистка Фаина до добра не доведет. В этой молодой женщине столько злости! Откуда в ее годы столько злости? Или не предупреждал, а только хотел? Анечка чуть не молилась на нее: «Фая умница, Фая то, Фая сё», а та столько бед в наш дом принесла. Куда матрас делся – не помню. Спроси у Рути. Хотя она не скажет. Она трусливая, даже такую ерунду помнить боится. Жалко ее, вся жизнь кувырком как-то, все покоя найти не может.

– Постой, я не успеваю. Фотографии, Анечка, Фаина, покушение, бабушка... Давай по порядку. Значит, я не ошиблась, значит, ты можешь мне всё рассказать. А показать? Ты со всеми разговариваешь? Они тебя тоже слышат?

– Поговорить-то со всеми можно, но слышат не все. Кто боится, кто на ухо туг, а кто только себя и слышит. Раньше веселее было. Из теперешних, из ваших, последним был Сашин отец. Хороший мальчик был, умный, смелый. Все хотел историю семьи написать, меня ночами донимал. Ругались мы с ним частенько. Как распалимся оба, он кричит: «Не может быть!», а я: «Как это не может, если было?!» А он по комнате бегаёт: «А ты что же, просто наблюдал и молчал?!» Его бы на мое место, я бы посмотрел. Задним умом все крепки... Он вот здесь и спал, на этой софе. А потом собрал рюкзачок, сложил туда свои тетрадки и уехал в Крым. Там и погиб, со скалы сорвался. Или столкнули? Помню, что я не успел. Я ведь ни с кем с тех пор не разговаривал, все размылось как-то. Видно, никто давно не думал о прошлом, вот и подзабылось. Тело там и похоронили, на нашем кладбище в Иосафатовой долине. Да и сам он сюда больше не возвращался.

– Подожди, подожди. В Крыму у вас есть свое кладбище, так? Это дед, который Лев Аронович? Он ведь Сашин отец и мой дедушка. Но его здесь, в Москве, похоронили. И какой же он мальчик с рюкзачком?

– Разве вас здесь разберешь? Я так думал, что Сенька Сашин отец. Их два брата было. Оба здесь жили. Лев был старше, а Семен младше – это точно. Вот и ты как Сеня – одни вопросы. Я про все сразу не могу, тем более вот так, сходу. Столько лет никому ничего не надо было, а тут давай.

– Дед! Ничего, если я тебя дедом буду звать? Дед, только не уходи никуда. Говори что хочешь, я буду слушать. Разбираться потом с тобой будем. Ты, главное, не исчезай. А ты здесь и там можешь быть – или только здесь?

– Могу и здесь, и там. Но одновременно здесь и там не могу. Если я здесь с тобой в комнате, то больше нигде меня нет. А если я где-то в другом месте, например в Крыму, в нашем городе... Ох, как же там хорошо, девочка, как же хорошо! Там крылья сами вырастают, звезды можно руками потрогать. И музыка! Я там небесную музыку слышу... Сеня не зря там остался, оттуда никто сюда не возвращается. Так вот, если я там, то здесь меня нет. А с портретом этим Катук, бестия, учудил. Приятель мой был, тоже фабрикант. Давай, говорит, Моисей, твой портрет напишем. Фигуры мы с тобой выдающиеся, потомкам надо память о себе оставить. Мой портрет уже есть, а твоего нету. Я согласился. Он ко мне привел хорошего художника. Катук плохого не приведет. Катук в искусстве понимал. Как фамилия – не помню, но тоже из наших. Помню, что помог этому художнику. У него дочь тяжело болела, и я денег дал, много, просто так, для дочери, а не за работу. Я знал тогда, что недолго мне осталось, и не скупился, благо не бедствовали. С натуры он только карандашный набросок успел сделать, а потом все дочерью занимался. Про портрет я забыл совсем, не до него было. Дел много скопилось, бумаги в порядок приводил, дела передавал. Срок пришел, я попрощался со всеми, все как полагается прошло – даже вспомнить приятно. Ничего не забыли, ничем меня и после смерти не обидели, все обряды соблюли. А через одиннадцать месяцев, на последних поминках, после которых я и должен был уйти совсем к нашим предкам, приносит этот художник законченный портрет. По памяти рисовал. Что уж он там наколдовал – мне неведомо. Только с той поры я здесь. Если ухожу, то на холсте черный силуэт остается. Пугаются все. После того как Анечка, племянница моя, рассудком подвинулась от этого, я если и ухожу, то ночью. Или когда уезжают все. Я ведь

и с Анечкой не просто так воздухом подышать вышел. Она все просила тогда, молилась, как на икону: «Дядя, помоги, дядя, помоги! Не только меня, всех ведь расстреляют!» А меня кое-кто еще помнил тогда. Моисей не последним человеком в столице был. Семье помогло, сразу всех в покое оставили, хорошо припугнул кого надо. Фаину только расстреляли. Слишком уж высоко она замахнулась. Да по правде говоря, я и не хлопотал за нее. Среди наших таких и быть не могло. А Анечка заболела. Так заболела, что дома нельзя держать было. И меня слышать перестала. Хорошо, что догадались ее не в Москве в больницу устраивать. Здесь ей одни мученья были уготованы. Переправили в Крым. Там у нас дом скорби есть. Он, правда, внизу, под городом, чтобы его постояльцы со скал не разлетелись. А воздух тот же... Ты была там?

– Нет. Ты покажешь?

– Машка, вставай! Хватит дрыхнуть. Хорошо на новом-то матрасе? – Саша стоял в дверях. За плотными занавесками вовсю сияло солнце, а Моисей сурово уставился на утреннего гостя. Тоже, наверное, был недоволен, что прервали.

Глава 4

Ольга рыдала в голос на песчаной отмели реки Мареки. Что себя сдерживать? Где, если не здесь, в этом забытом Богом месте, дать волю своей изболевшейся душе. После натянутых неловких слов Саши и молчаливых, едва заметных дочкиных слез, которая только и смогла, что прижаться крепко и шепнуть на ухо: «Мамочка, я так хочу, я попробую», Ольга не смогла вернуться в Архангельск. Поехала в эту опустевшую деревню из пяти домов с таким родным именем Марека. Прозрачная, красноватая от глинистого дна быстрая речная вода студила натруженные долгой дорогой ноги, полоскала тонкие ветки ивовых кустов, уносила в холодное море опавшие листья, и песчинки, и Ольгину тоску. Посидишь вот так, поплачешь о том, что было и чего не случилось, вроде и легче становится.

Почему в тот год начальник отправил ее на сезон в Каргополь, до сих пор загадка. Ни раньше, ни после того дальше Малых Корел по работе ездить не приходилось. А тем летом, видно, специально кто-то всё подстроил. Работать трудно было: жара стояла небывалая. Туристы еле передвигались, от воды уходить не хотели, лежали пластом, как раки вареные рядом с пивом. Чтобы их заинтересовать и показать всю программу, приходилось каждый день подвиг какой-нибудь совершать. Еле дождалась последней группы в августе. Туристы, наверное, ехали на Север в надежде спастись от жары. Не тут-то было! Три часа по разбитой дороге от Няндомы до Каргополя превращали несчастных путешественников в подтаявшее желе, они вытекали из автобуса и вяло озирались в поисках тени. А два человека вышли как ни в чем не бывало – свежие, улыбающиеся, довольные солнцем, дорогой, погодой и вообще жизнью. Это были Саша и Лев Аронович. Только для них я и работала в этой группе – все им интересно, глаза горят, с утра до ночи на ногах, энергия фонтаном бьет. А Саша... Какой же парень удивительный был! Таких не встречала больше – как лучик света или цветок какой: посмотришь на него – и радостно. Повезет той женщине, которая с ним рядом будет. Даже вспоминать его – и то праздник. Письма все до единого хранятся. Разве кто-нибудь еще так напишет... Когда совсем уж все наперекосяк идет, достанешь такое письмо, считаешь – сразу легче становится.

Накануне отъезда мы отправились небольшой группой в поход с ночевкой по берегу озера к истоку Онеги. Саша и Лев Аронович в первых рядах, они-то и настояли на этом путешествии. С утра стало ясно, что происходит что-то необычное: вода в Лаче легла и как пленкой подернулась – ни всплеска, ни звука вокруг. Дошли до места, разбили лагерь, кто чернику брать пошёл, кто рыбачить. Щуки и лещи сами в руки прыгали. Грибы, ягоды чуть ли не в палатки залезали. Под вечер пир устроили у костра с песнями, рассказами, насмеялись до коликов в животе. А ночью началось...

Грозы я с детства боялась. Будто не снаружи грохочет, а внутри все разрывается. На молнию смотреть – как открытые глаза под острую саблю подставить. Кому-то, может, и ерунда: погромело, посверкало, пролилось и все. Но по мне ничего не может быть страшнее, чем эта бесовая охота с огненными стрелами. Если достигнет такая стрела, с душой-то что будет?! Как она, бедная, с телом расстанется, которое вмиг кучкой пепла станет, куда ей деваться среди этой бури?

Не приведи Господь еще раз в жизни увидеть такое. Сначала ветер поднялся, едва палатки все не унесло вместе с народом, холодно стало, как зимой. На Лаче шторм: черные волны с человека ростом, как сотни голодных ртов из озера торчат. И прямо из разинутых черных пастей выскакивают одно за другим огромные белые деревья, сверкающими кронами небо закрывают. Такой грохот пошел по земле, словно она на части раскалывается. Какая сила вытащила меня из палатки и бросила прямо на берег, под холодный ливень и эти огненные столбы, – не знаю. Помню, как тащил меня Саша с берега в палатку, помню, как успокаивал, за руки держал, одежду мокрую стягивал, чтоб согрелась, выпить меня что-то просил. А я дрожала, плакала, все бежать куда-то хотела. Успокоилась только, когда крепко прижалась к нему и, кажется, уснула. Помню, как хорошо было, то ли во сне, то ли наяву таяла, растворялась, улетала и возвращалась в теплые руки, к горячим губам. Ночь провела где-то между небом и землей, под небесный грохот и нежный шепот в ухо.

Проснулась я одна. Оказалось, прошел настоящий ураган. Лес, на опушке которого мы стояли, такой тихий и прозрачный накануне, стал непроходимым буреломом. Вековая сосна колонной лежала между палаток, и удивительно, что никто не пострадал. Из Каргополя прислали спасателей, но спасать, к счастью, никого не пришлось – все мирно сушили намокшие вещи и возбужденно делились ночными впечатлениями. Саша не отходил от меня ни на минуту, светился весь изнутри. В тот день мне хотелось летать, хотелось убежать с ним куда-нибудь от всех. Много чего мне хотелось... А Лев Аронович, тот, наоборот, в стороне держался и хмурый какой-то был.

И все. Вернулись, стали собирать чемоданы. Руфина Семёновна огорошила новостью, что Саше только недавно исполнилось шестнадцать. Внутри натянулась и лопнула какая-то струна, наверное, самая звонкая. Вечером туристы погрузились в автобус и уехали. Автобус тронулся и потащил за собой по дороге все мои мечты и надежды. И только потом, спустя много однообразных, тоскливых дней, я поняла, что этот ураган оставил после себя новую жизнь. Обыкновенный ребенок не может в такую ночь зародиться. Может, она небесная девочка, а на Сашу похожа просто потому, что я только о нём и думала, пока ждала её. Конечно, она не такая, как все. Но я не могу дать ей то, что она ищет и ждёт. Она завянет со мной, я это точно знаю. Пусть будет там, где ей лучше.

Ольга, как была, прямо в платье зашла в реку, умылась, а потом легла на спину: река понесла ее по течению...

В этом месте река делала небольшой изгиб.

... После долгого пешего пути от шоссе до деревни, когда она по пояс в бурьяне пробиралась к дедовскому крыльцу, видела, что на давыдковской усадьбе посажена и окучена картошка, на огороде аккуратные грядки. Значит, Сергей все хозяйничает. Чудной он все-таки мужик, непонятный. Приедет ранней весной, землю засадит и живет один, рыбачит, на охоту ходит. А как снег ложится, в город уезжает. Годы идут, а он все бобылем ходит. Сколько раз говорила ему, чтоб не ждал меня, что не буду я тут с ним картоху копать и грибы солить. А наши детские счастливые беззаботные годы здесь, в Мареке, – разве они могут повториться?...

Ольга вышла из воды прямо у бани. Хорошая баня у Сереги, и пар в ней настоящий, легкий. На крыльце дома растянулся под теплым солнцем породистый охотничий пес Рой. Увидев Ольгу, радостно забарабанил хвостом по ступеньке. Признал, значит. На двери под замком – кусок серой оберточной бумаги, а на нем размашисто, крупно: «Буду в четверг. Ключи в

сарая, где обычно. Еда в погребке. За хлебом сходи». Сегодня среда. Ольга сладко потянулась, отлепила от тела намокшее платье, забрала записку и пошла, напевая, к сараю. Рой преданно крутился под ногами. Ключи были на месте. За сараем начиналась дедова земля. Ольга, как в детстве, пролезла, согнувшись, между прутьями старого забора, зашла в свой дом (дел-то сколько тут, оказывается, накопилось!), отыскала в сундуке легкий ситцевый халатик, переоделась, наказала Рою стеречь дома и зашагала в деревню Петровскую, за хлебом.

Глава 5

Покойный Лев Аронович, горячо любимый и до сих пор оплакиваемый родственниками, не дождался в этот раз свою красавицу Мирьям. Не пришла она, как обычно, в назначенный срок вместе со всеми на кладбище, не постояла, нахмурившись в сторонке, не провела тайком тонкими пальчиками по высеченным на каменном надгробье буквам, словно на ощупь запоминала их начертание. Не успел он и подхватить ее, шагающую из окна, чтобы взять за руку и поднять сразу высоко к небу, чтобы не почувствовала она ломающего кости удара о землю, чтобы не видела собственной крови и не услышала, как истошно кричат от ужаса люди. Шурик опередил, не растерялся. Молодец, парень. Выскочи она из окна, какой тяжелый камень лег бы на его сердце! Такую ношу до конца жизни нести никому не пожелаешь.

С Моисеем тоже не удалось повидаться. Вот доля выпала человеку! Почитай, уже скоро двести лет, как он покоя не знает. А может, нравится ему – никто его к портрету силой не привязал. Захотел бы, вмиг вернулся бы сюда, парил бы над ручьями талых снегов по устьям древних рек, над душистой апрельской сиренью и сочной майской горной травой, над выжженной июльской землей, обдуваемой соленым морским ветром, над виноградниками и спелым красным кизилом, отзывался бы гулким эхом в пещерах, где хранилось когда-то наше молодое вино...

Божий свет большой, душе везде теперь привольно. Но только здесь наверстываем мы упущенные, растроченные в городской суете годы. Здесь, на Иудейской скале, куда пришли наши предки вслед за персидским царем Калибу и возвели Небесный город рядом с орлиными гнездами, – здесь встречаемся мы, узнаем и любим друг друга, здесь говорим с нашим Богом и храним нашу веру. Не это ли высшая благодать?

А Моисей привязал себя к своему дому, который после его смерти тоже покоя не знает: то шквал арестов, то нечистую силу ловят, то пожары один за другим, то разгорится злобная война за жилплощадь... Привязал себя к семье, в которой сам запутался, заблудился среди детей, племянников, внуков и правнуков...

Интересная у них там история может закрутиться! Так все переплелись-перепутались, что сходу не разберешься. Чей сын Александр, чья дочь Марека-Мирьям? Думал, здесь легче будет разобраться. Сверху, говорят, видно все. Оказалось, нет – все загадки остались, какие были. Видно, их живым разгадывать придется.

В том, что Мирьям моя дочь, я уверен. Той ночью, в ураган, я, конечно, не спал. Я услышал с берега крик до смерти напуганной Оленьки, видел, как Сашка тащил ее, почти без сознания, в палатку. Ругал себя, что, старый увалень, не сумел опередить его, и, прогоняя от себя дурные мысли, благодарил Бога, что он послал ей на спасение Александра, а не меня. Под утро, когда все улеглось, Сашка прокрался в палатку. Думал, я сплю, дурачок. Лучше бы он там, у Оли, остался. А он, видно, боялся отцовского гнева или Олю не хотел в неловкое положение своим присутствием ставить. Кто теперь скажет, что было бы лучше...

Заснул он мгновенно. И тут уж никакие силы не смогли удержать меня: уговаривал себя, что только посмотрю, как она спит, все ли хорошо у неё. А когда увидел ее, голова пошла кругом от запаха ее молодого, сильного тела. Я вообще перестал что-либо соображать в этот

миг – вот они, животные инстинкты, что делают! А она даже глаз не раскрыла. Видно, думала, что это все еще Сашка...

Каждый человек, наверное, хоть раз в жизни совершает неразумный поступок. Но с этой ночи я и начал есть себя изнутри. Безжалостно, с остервенением невысказанного раскаяния наказывал себя ежедневно и еженощно. Сердце поддавалось быстрее всего. Когда Оля первый раз Мирьям привезла, как током ударило – вот он, мой ребенок! Думал забрать ее. С Олей, с Руфиной поговорить и забрать. Пусть все думают, что она Сашкина дочка, но воспитывать-то я бы ее смог. Год готовился, и Ольгу в письмах потихоньку настраивал. Даже в Архангельск тайком перед Новым годом на самолете слетал. Дедом Морозом нарядился, с подарками пришел. Оля узнала, конечно, засияла вся, а девочка так и не признала, но подаркам обрадовалась. Незаметно, как-то внутри себя обрадовалась, но я-то увидел. Посмотрел, как живут: бедно, конечно – комнатка маленькая, так и спят на одной кровати, вторую поставить некуда.

С трудом лета дождался, приехали наконец мои девочки. Мирьям кашляла тогда – продуло, наверное, в дороге. Повел ее в поликлинику врачу показать, заодно и кровь на анализ сдали. Увидел результат, и последние сомнения рассеялись. Группа крови четвертая, резус отрицательный. У Оли первая и положительный, в паспорте печать видел, у Сашки тоже. Моя дочка, моя кровь в ней течет! А насквозь изъеденное сердце отказалось эту радость принимать. Так и не сделал я для них ничего из того, что хотел...

Рути как убивалась тогда! Она давно чувствовала, что со мной что-то происходит. Но разве ей по силам было облегчить мои страдания? Ей и своей боли на всю жизнь хватит. Я только догадываться могу, что там было у нее с моим младшим сводным братом Сенькой. Почему она так переживала его гибель? Месяц из Крыма домой ехать не хотела, все на кладбище сидела, не разговаривала ни с кем. Силой увез ее оттуда и больше не отпускал от себя. И почему Шурик родился недоношенным, но вполне здоровым и упитанным карапузом? Сенька, шельмец, не скажет ни за что. Отыскал ведь его здесь, по-мужски поговорить хотел, а он: «Давно было, не помню. Твоя жена, ты и разбирайся, а мне там делать больше нечего, я только здесь свое счастье нашел».

Бедная, бедная моя Руфь, верная моя подруга навеки! Ох, и натворили мы с тобой дел своей страстью-любовью... Как-то дети наши со всем этим разберутся?

Глава 6

Завтрак завершался под прогноз погоды, обещающий погожий, солнечный день. Здесь нельзя было наскоро съесть бутерброд и залпом выпить стакан молока. Белоснежная скатерть, серебряные приборы, льняные салфетки, фарфоровая посуда, череда разнообразных блюд, даже во время обыденного завтрака посреди недели, – все это Мареку удивляло и волновало. За столом обычно собирались все, кто был в квартире, разговоры велись тихие, неспешные, бабушка Рути неизменно дирижировала столовыми спектаклями. Она первой нарушила молчание:

– Я думаю, пора подумать о школе для Марии. Пока не кончился июнь, в школах идут экзамены и есть все преподаватели, хорошо бы решить этот вопрос. Откладывать на конец августа, я думаю, не стоит.

– Маш, ты готова думать о школе? – Саша тихонько пнул Мареку ногой под столом, опасаясь, что она пропустила реплику бабушки мимо ушей.

Марека молча кивнула, продолжая жевать и смотреть в чашку.

– Тогда, наверное, стоит определиться, что Мария любит, а что не любит.

Саша опять ткнул Мареку под столом. Он, видимо, считал своим долгом озвучивать ей все, что говорила Руфина Семеновна. Похоже, такой буфер в виде Саши устраивал обоим, общаться через него было гораздо проще.

– Ну, Маш, что ты любишь, а что не любишь? Чертовски интересно узнать.

Марека оторвала взгляд от чашки и подняла глаза к потолку. Во как повернули: что любишь, что не любишь... Разве можно так сразу об этом сказать?

Люблю горы, правда никогда там не была, но знаю, что люблю. Люблю, когда горизонт далеко, а небо близко, люблю запускать воздушного змея, люблю читать, люблю старые фотографии, вишневое варенье и персики.

Люблю маму. Сашу тоже люблю. А не люблю змей, просто даже смотреть на них не могу. Не люблю, когда холодно, – кажется, что все сосуды внутри покрываются инеем и колют изнутри...

– Эй, Маш, ты долго будешь молчать? Поделись вихрем своих мыслей с присутствующими.

Марека серьезно посмотрела сначала на Сашу, потом на бабушку:

– Я хочу учиться в математической школе.

– Ничего себе выдала! Смелое заявление!

Руфина Семеновна от неожиданности поперхнулась кофе.

– Московские математические школы требуют серьезной подготовки. Ты уверена, что хочешь заниматься именно математикой?

– Я уверена, что у меня получится.

Саша даже вскочил из-за стола:

– Мать, ты представляешь, какой ребенок! Она уверена, что у нее получится! Ты хоть раз дождалась от меня таких слов?! Конечно, это будет математическая школа. Какая у нас тут самая лучшая?

– Кажется, Эдик преподавал во второй. Помнишь, как много он рассказывал о своей школе? Только нужно отыскать его телефон. У него там точно остались хорошие связи. В конце концов у него, кажется, есть знаменитые ученики, они тоже могут помочь. Ты не помнишь, когда мы с ним виделись в последний раз? – Руфина Семеновна оживилась, тоже встала и заходила по кухне. За столом осталась одна Марека. Ей представился профессорского вида пожилой Эдик, его знаменитые лысеющие ученики в роговых очках, со сползающими набок несурзными галстуками.

– Я могу сдать экзамен. Я решу все задачи, и меня примут.

Саша замер посреди кухни. Он вдруг понял, что, возможно, так оно и будет.

Руфина Семеновна, выдержав паузу, громко произнесла: «Так... Саша, посуду оставляю тебе. Я за справочником...» – и медленно пошла по коридору, думая, что от этой странной девочки можно ожидать всего. И почему она, собственно, не может обладать выдающимися математическими способностями?...

Набор в школу закончился еще в апреле. Но завуч, энергичный невысокий мужчина лет сорока, внимательно посмотрев на Мареку и как-то размякнув под пристальным взглядом ее черных глаз, вдруг сказал: «А давай-ка мы попробуем! Я дам тебе наши тесты, порешаешь, посмотрим, что из этого выйдет. Мамочка, погуляйте где-нибудь часа два».

Руфина Семеновна слегка покраснела и взяла Мареку за руку: «Это моя внучка!» «Ну и бабушки пошли в наше время... Как, говоришь, тебя зовут, – Мария?» – И он повел ее в класс.

Через два часа Руфина Семеновна нашла Мареку в кабинете завуча. Он сопел над испи-санными листами, а Марека ела печенье и задумчиво смотрела в окно.

– А, это вы. Удивительно! Феноменально! Маша говорит, что раньше училась в Архангельске, в обычной школе. Вот они, потомки Ломоносова! Конечно, мы ее берем. За полчаса она решила сложнейшие задачи очень, очень оригинальным способом, очень... – И завуч опять углубился в формулы. – Простите, я увлекся. Интересно, очень интересно... Зайдите, пожалуйста, в канцелярию, оформите все документы. Наш секретарь уже в курсе. А первого сентября ждем вас. Ты слышишь, Маша, первого сентября мы тебя ждем!

Глава 7

Куда же все-таки подевался тот атласный матрас? Эта мысль беспокоила Моисея все утро. Наконец все разошлись: Саша на работу, Рути с девочкой в школу пошли устраиваться. Дома никого не осталось, можно и прогуляться. Моисей покинул тесную раму и решил начать поиски матраса с первого этажа.

Разве можно было предположить, что все богатство, которое измерить-то было трудно, в один год растворится, рассыплется в пыль, растечется по непонятной и недоброй новой стране, не принеся никому ни пользы, ни радости?

Земля в Крыму, приобретенная для обустройства сельскохозяйственной общины, – «караимский земельный рай», – так я любил ее называть, – новые кенасы, табачный завод, сотни магазинов, этот дом, который с такой любовью замышлялся, строился, обживался, – все пропало. Видно, наказание мне такое выпало – смотреть, как рушится оставленный мной благополучный мир, как умирают от отчаяния мои дети, как, в спешке побросав вещи в мои старые английские чемоданы, уезжают самые близкие и дорогие. Уезжают, не зная куда, зачем – только прочь отсюда, от унижений, голода, холода, болезней и слез. Дай-то Бог, чтоб там, куда занесла их судьба, хватило им сил не пасть духом, не озлобиться и не потерять веру.

В доме остались только племянники, Анна и Давид. Давид болел туберкулезом. Жену с детьми отправил в Симферополь, чтобы те оттуда перебрались в Европу. Сказал, что закончит дела, поправится и приедет к ним.

Анечка осталась с Давидом. Семьи у нее не было, из Москвы уезжать наотрез отказывалась, да и брата оставлять одного не хотела. Им власти отвели квартирку на первом этаже, где у меня раньше дворник жил.

А дом разделили на комнаты и заселили такое множество разных типов, каких я за всю свою жизнь не встречал. С другой стороны, хоть после смерти посмотрел, как оно бывает. Тех, которые достойные, мало было в моем доме. Все больше крикливые, грязные, неграмотные. Зачем мне на них смотреть? Как животные: пришли, поели что нашли, выпили, поругались друг с другом или с соседями – и спать.

Был, правда, писатель один интересный. Как звали – забыл. Года два у родственника своего квартировал с женой. Родственник куда-то отъезжал, а им комнату свою оставил, вот они там и перебивались с воды на хлеб. Он, писатель, по ночам не спал совсем. Может, от голоду, а может, просто бессонница от забот, все работать пытался. К нему я частенько заходил. Он сперва пугался, а потом ничего, привык ко мне. Я его научил сквозь двери проходить, по тайным уголкам водил, жильцов спящих показывал, истории разные рассказывал, как мы раньше здесь жили, что за люди в этот дом заживали. Кажется, он был неплохой писатель. Не знаю, не читал. Книжки – это пусть земные читают. Все, что написано там, здесь уже известно, а на свои вопросы мы в них ответов не найдем...

После того как его роман напечатали, в доме и вовсе все кувырком пошло. Среди жильцов закрепилось мнение, что дом нечистый. Забавно смотреть на них было: то свечей наставят и духов сообща вызывают, то попа своего позовут, он ходит, кадиллом машет, то ловушек плетеных под потолком развесят, то котов тьму тьмущую разведут, а как-то и вовсе чердак в запале подожгли – думали сатану увидеть. Смешные люди! Кому они нужны со своими ничтожными страхами и глупыми желаниями! Какой нечистой силы они боятся и кого себе в помощники зовут, если дальше своего носа ни впереди, ни сзади ничегошеньки не видят! Разве придет сила к тому, кто за ней так бегаёт?!

Давно я здесь не был... Это теперь и не квартира вовсе, а контора какая-то новомодная. Хоть Моисей и жил сто лет назад, а в бизнесе Моисея не проведешь. По глазам конторщиков, или как их теперь называют, вижу, что воздухом они тут торгуют. Значит, и эти скоро съедут,

новые придут, опять стены белить будут и пол циклевать. Лучше бы мозги себе прочистили сначала, тьфу на них!

В офисе новенькой туристической фирмы внезапно распахнулось окно, порыв ветра качнул жалюзи, те задели высокий тонкий сосуд с одинокой розой, розочка согласно мотнула головой и завалилась прямиком на кипу бумаг, только что аккуратно вынутую из сейфа. Вслед за розой живо потекла от чего-то вдруг позеленевшая вода, пропитывая бумаги гнилостным болотным запахом. «Кто?! Кто открыл окно, сволочи? Здесь коллективный тур, контракт на сто тысяч!! Здесь арендный договор, доверенности! Уволю всех! Что за гадость вы налили в бутылку, мать вашу?!»

Плохая это квартира. Все неприятности начались после разбойного ночного визита кожаных курток с револьверами. Ценного много ещё в квартире оставалось – золото, камни, картины, даже сервизы и серебро столовое, – все забрали. Сгружали в ящики и выносили. Меня Аня из рамы вытащила и среди книг спрятала. Когда обыск был, она так плакала и кричала, будто детей родных хоронила. Мне-то странно было – что галька морская, что камни драгоценные – этого-то добра на земле не меряно, и сколько ни копи, с собой ничего не возьмешь – ничего этого здесь не нужно. Знал бы я, что побрякушки эти столько слез принесут, сам бы всё при жизни выбросил. Письма наши, фотографии, дневники, архивы семейные – вот что для потомков бесценно было! А это и не сберегли... Разбежались в спешке, а про главные сокровища забыли, оставили больному Давиду и Анечке несмысленной.

Давид слег совсем после обыска, с постели больше не поднимался. Тех, что в квартире орудовали, я наказал потом, конечно. Разве я мог им простить такой разбой и Анечкины слезы? К каждому навевывался. Но они слишком быстро вовсе человеческий облик потеряли. Наскучили они мне в таком обличье, бросил я к ним ходить.

Вскоре после обыска Фаина приехала, тоже ночью. Не в дверь постучала, а царапала, как кошка, по оконному стеклу. В гости так не приходят. Аня знала, что нрав у меня суровый, что я плохого в своем доме не потерплю, – она Фаину в комнату, где портрет висел, даже не водила. Пробыла та недолго – всего день и пару ночей, спала, скрючившись, лицом к стенке, на голову одеяло натянув – что за манеры такие? По лицу спящего человека, по снам его, что вокруг витают, я многое понять могу. А эта сны свои не выпускала, под одеялом прятала...

Познакомилась Аня с ней в Евпатории, в каком-то политическом кружке. Анечка часто надолго уезжала, путешествовать любила. Вернется, бывало, без денег, без вещей, худая, возбужденная и давай мне глупости всякие рассказывать. Кроме меня разве стал бы ее кто слушать в этом доме?

Про Фаину говорила, что женщина на редкость смелая, ничего не боится, что жизнь у нее тяжелая, не в пример нашей, что на каторге последнее здоровье потеряла – зрение упало сильно, и страшные головные боли мучают. Из-за головных болей вроде с каторги и отпустили. Ничего я в их новом государстве не понимаю! Они ее отпустили, а она кого-то убивать в Москву приехала. Голова-то от злости болит, от мыслей дурных, от грехов непокаянных, что как черви мозги проедают...

Убить она никого не убила – промахнулась. Где же стрелять-то с плохим зрением! А позор на мою фамилию навлекла... В этой квартире засада долго еще сидела, все поджидали, вдруг друзья Фаины объявятся. А у Анечки то ли от допросов, то ли от прогулок моих приступы душевные начались.

Когда такая беда случилась, из Симферополя вернулась мать Иосифа с его детьми, с моими внучатыми племянниками. Не удалось им за границу уехать, жена Иосифа умерла от тифа в дороге. Анечку в дом скорби отвезли, после вскоре и Давида похоронили. А жене брата моего с внуками я здесь прописаться помог и квартиру другую в доме нашел, чтоб от печальных воспоминаний подальше отвести.

Где-то теперь гуляют мои горемычные племянники... Надо будет у Левы спросить, не встречал ли он их там? Что-то Лева давно не навещал меня. Все у меня перепуталось-перемешалось! Конечно, не навещал, потому что встречались мы с ним обычно здесь, на поминках, а в этот раз поминки не получились, я туда не пошел – с молодежью слезами радости обливался, когда они на полу друг дружку обнимали.

А девочка эта непростая. Совсем непростая! И душа у нее зрячая – сразу меня разглядела, не то что некоторые – столько лет живут рядом, а все только пыль смахивают. Чувствую я, закрутит она здесь жизнь совсем по-иному...

В подвале матраса тоже нет. Разве что под досками и этой пылью вековой. Тут без помощников разве что найдешь? Только астма старая откроется...

Астма, конечно, не могла открыться, но Моисей покашлял для порядка и отправился дальше.

Глава 8

День складывался на редкость удачно. В школу поехали наугад – спросить, разузнать, назначить дату собеседования. Руфина Семеновна приготовила длинную речь и была уверена, что без Эдика или по крайней мере без финансовой помощи школе, как это теперь называется, ни о каком зачислении речи быть не может. А всё так быстро разрешилось. Надо же, какой умницей оказалась наша Мария. То ли еще будет! Каждый раз при этой мысли Руфина Семеновна бросала торжествующий взгляд на Мареку, расправляла плечи и еще выше поднимала гордо посаженую, увенчанную высоким балетным пучком голову.

Радостное событие поступления в одну из лучших московских школ Руфина Семёновна решила отметить. Сложив на лавочке горку из благоухающих деликатесами пакетов, закупленными в гастрономе, Руфина Семеновна с Марекой расположились в Болотном сквере напротив «Ударника» и молча наблюдали за струями фонтана. Искристая россыпь радужных капель легко взлетала к небу и крупно, тяжело падала обратно в воду. В воздухе витал кондитерский запах с фабрики «Красный Октябрь». «Как уютно с ней... Ее молчание ничуть не раздражает, скорее наоборот. И в дороге, и в магазине ни слова не проронила, но ведь и незачем было. Безмолвно так помогала, как будто мысли читала», – думала Руфина Семеновна.

– Давай съедим по шоколадке. – Марека пошарила в пакете и достала две плитки.

С шоколадом стало еще лучше. Спешить было некуда, и так сделали больше задуманного. Можно просто сидеть, смотреть на воду, на людей, жевать шоколад, запивая его шипучей газировкой.

– Ты здесь любишь сидеть, потому что пахнет конфетами?

Руфина Семеновна не ожидала такого вопроса. «Почему Маша спросила именно так? Как она нашла эту самую глубокую, самую потаенную тему? А может, просто совпало, потому что здесь я всегда возвращаюсь в те годы...» Руфина Семеновна сделала большой глоток воды, вздохнула глубоко и поняла, что если именно сейчас не скажет всего, что крутится в голове и не дает покоя ни днем, ни ночью, заставляет во сне переживать всё с самого начала, во всех незначительных подробностях, – то не скажет уже, наверное, никогда.

Глава 9

Родители говорили, что я начала танцевать еще в люльке. Ты, наверное, не знаешь – у нас детская колыбель не такая, как у всех. К потолку подвешивали люльку, вырезанную из цельного дерева, с отверстием внизу, к которому крепился горшок. Говорят, я пела и раскачивала ее и так дрыгала ногами, что как-то через дырку вместе с горшком выпала на пол.

Мы жили тогда в Бахчисарае, на краю города. Дом стоял прямо у скалы, которая огромным козырьком нависала над нашим двором. В этом каменном дворике, наглухо закрытом от улицы высоким забором, я и провела все детство. Он был для меня театральной сценой, я пела, гулкое эхо отражалось от гор, в небо взлетали птицы, и я тоже пыталась взлететь вместе с ними, подпрыгивала все выше и выше, кружилась, кружилась...

Мой отец, дядя Шмуэль, как все его называли в городе, торговал табаком и самодельными папиросами, а на досуге, для домашних, шил кожаную обувь. Он-то и сшил мне первые балетные тапочки. Знаешь, я до сих пор их храню – малюсенькие балетки из тонкой белой овечьей кожи. Потом они с мамой решили перебраться в Москву. В Москве тогда уже много караимов осело, у папы были знакомые среди управляющих на «Дукате» да и среди торговцев табаком тоже. Короче, папа как-то приобрел небольшой киоск на Арбате. Он делал серебряные портсигары и костяные мундштуки, а мама торговала. Жили в маленькой комнате, которая примыкала к магазину. Никакого двора, где мне можно было бы танцевать, конечно, уже не было.

Мама отвела меня в балетную школу. Мне тогда было всего семь лет. Приняли сразу. Даже симпозиум небольшой собрали, говорили: «Ах, какой шаг, какой прыжок, какой подъем!»

А один профессор сказал: «Да вы посмотрите, как она похожа на Павлову! Такая крошка, а те же глаза, те же руки, а какая шея изумительная!» Он оказался прав. Я действительно была очень похожа на Анну Павлову. Она ведь тоже караимка. Но я об этом только спустя несколько лет узнала.

Дома я в те годы почти не бывала – жила, училась и танцевала в школе-интернате при Большом. Мама даже плакала, когда меня видела, думала, что я чем-то больна и скоро умру от голода. Не верила, что мы на строжайшей диете, что каждый лишний грамм приходится выпрыгивать, вытанцовывать и выжимать из себя потом и кровавыми мозолями. А она так вкусно и много готовила, дома всегда так чудно пахло нашей халвой, сочными пирогами, да просто настоящим жареным мясом!

Запах конфет обожаю с детства. Сюда, к этой фабрике, приезжала, когда было свободное время. Здесь было легче, чем дома, потому что никакого искушения съесть что-нибудь вкусненькое не возникало – только запах. Сяду в сторонке, закрою глаза, засыпаю, конечно, сразу, потому что спать от усталости хотелось все время. И мне снится, как я ем конфеты. Их много, они разные, я разворачиваю и ем, разворачиваю и ем, уже кругом одни фантики, такие мягкие, шуршащие, уже можно положить на них голову, как на подушку... И тут я обычно просыпалась, потому что падала.

Как-то раз примерно вот на этом месте я так упала во сне на Семёна. У дедушки твоего, Льва Ароновича, – ты ведь помнишь его? – удивительный был человек, умный, добрый, внимательный, – так вот, у него был сводный брат, Семен.

– Сводный брат – это как? – Марека заметила, что бабушкина шоколадка уже кончилась, и незаметно подсунула ей свою, недоеденную.

– У Лёвы мама умерла очень рано, сердце было плохое. Ему всего два года было. Отцу его, Арону Давидовичу, – тоже, кстати, замечательный, просто выдающийся человек был, – тяжело было одному с маленьким ребенком на руках – он же наукой всю жизнь занимался, профессором еще в молодости стал. Родственники помогли найти няню для Лёвы. Так появилась в доме Софья Наумовна, какое-то очень дальнее родство с Моисеем у неё тоже было. Тогда это была молоденькая красивая девушка Софочка со своим ребенком на руках – с Сеней. У нас принято друг другу помогать: если бы не Арон Давидович, ей бы, наверное, тяжело в жизни пришлось. А так она с Сеней поселилась в этой самой квартире, где мы все сейчас живем, воспитывала Лёву, как-то вела хозяйство, потом они поженились с Ароном, а мальчики росли вместе, как братья. Они всегда были уверены, что родные братья. Я всю эту историю только после смерти Сени узнала... О чём я говорила?

– Что однажды здесь уснула и упала на Семена.

– Да! Интересная история получилась... Я ведь тогда очень хорошо танцевала. В балете невероятно трудно пробиться, надо обладать либо исключительным талантом, либо большими связями. Никаких таких связей у родителей моих не было. Похоже, я действительно была талантлива. Был дар, которым я наслаждалась, упивалась. Да я только им и жила тогда... Я уже танцевала Жизель, Одетту, Сильфиду, конечно, танцевала Умиряющего Лебеда. Не в Большом, до этого еще не дошло – на других московских сценах, на конкурсах, ездила с труппой на гастроли.

– Ты танцевала в «Лебедином озере»? Ты можешь так танцевать?! Я три раза этот балет по телевизору смотрела. Он так нравится мне, что теперь я могу видеть его в любое время – я все помню. И музыку, и движения. Закрываю глаза и смотрю.

– Надо же... Я и не думала, что ты балетом интересуешься. Обещаю, что свожу тебя на самые лучшие балеты в Москве. Вот закончится гастрольный сезон, и мы с тобой все увидим. По телевизору – это совсем не то... – Руфина Семеновна глубоко и надолго задумалась. Марека терпеливо ждала. Пауза слишком затянулась.

– Ты говорила про Семена. Про то, как уснула здесь однажды.

– Да! Сеня увидел меня на каком-то концерте. А потом стал ходить на всё, что я танцевала. Я не замечала его, потому что ничего кроме своего балета не видела. В общем, в тот день он оказался рядом со мной на лавочке. И во сне я упала ему на плечо. В общем, мы познакомились.

Это он рассказал мне, что Анна Павлова тоже караимка. Вернее, полукровка – мать русская, а отец караим. Виделись мы с ним редко, потому что у меня репетиции, концерты почти без отдыха, без выходных. Но мне очень хорошо было с Сеней. Говорили о балете, о Павловой – почему-то это было ему интересно, о городе Чуфут-Кале, у подножия которого я выросла, о том удивительном чувстве полета, что рождается там, на скале. Все собирались вместе туда съездить, ведь считается, что именно там священная земля караимов. Вместе не получилось...

А Павлову я как-то по-другому стала воспринимать. Всё искала про неё что-нибудь человеческое, а не сухие восторженные строки в энциклопедиях и описание репертуара. В «Ленинке» нашла мемуары Дягилева, её импрессарио, Фокина, который был её партнером, а потом и постановщиком танцев, читала их переписку. Кстати, после этого поняла, что именно в письмах, в дневниках, которые не исправляют, чтобы приукрасить и приподнять себя, – именно в таких вот разговорах и внутренних монологах можно найти все самое настоящее. То, что было на самом деле, а не то, как это кто-то потом захотел представить...

Знаешь, непростая судьба у неё. Хотя, может быть, только на мой взгляд... Невероятно, сказочно талантлива, весь мир был у ее ног, а она нигде покоя не могла себе найти, по всему свету моталась, со всеми ссорилась, обижала людей, которые любили и боготворили её. Я вот думаю, это оттого, что она так решительно и категорично отказалась от своей второй, караимской крови – нигде ведь об этом даже не упоминала. Может, ей стало бы легче, свободнее жить, если бы она поняла, откуда у нее это чувство полета, эта грация и стремительность большой красивой птицы, это воздушное чувство пространства. Тебе обязательно, обязательно нужно съездить туда.

Интересно, когда у Саши отпуск в этом году? А хочешь, я научу тебя танцевать? У тебя ведь все получается, и это получится.

– Хочу. Да, я хочу научиться танцевать. А что случилось с Семёном?

– С Семеном... Семен погиб. Там, в Чуфут-Кале. Так и осталось неизвестно, сам он сорвался со скалы или его кто-то толкнул... Мы должны были ехать вместе, но у меня вдруг возникли незапланированные гастроли, и вопрос стоял так: или я еду на гастроли, или прощаюсь с партией Жизели. Если бы я поехала с Сеней, он мог бы остаться в живых. А я выбрала Жизель.

Но я и танцевать после его смерти перестала. Как только получила это ужасное известие, поехала в Бахчисарай – в Чуфут-Кале только оттуда можно попасть – и почти месяц просидела на кладбище. Все никак уехать оттуда не могла. Мне все казалось, что я что-то пойму, что-то узнаю. Все казалось, что придет Сеня, поговорит со мной и останется. Или меня с собой заберет. А потом... Потом за мной приехал Лёва, увез меня в Москву, я вышла за него замуж, потом родился Саша, а потом уж не до балета было...

Сеня перед отъездом сказал мне в шутку, будто чувствовал что-то: «Если что случится, то брат у меня есть – без мужа тебе не бывать». У нас ведь обычай такой древний есть: если умирает муж, а у вдовы нет сына, то она вместе со всем своим имуществом как бы переходит к брату умершего. Развестись потом можно, но не раньше, чем через год. Странный обычай, конечно, да и не женаты мы с Сеней были. Но так уж получились. А с Львом Ароновичем мы прожили красивую, интересную жизнь. Но и он слишком рано умер...

– Ты не плачь, не плачь, ты ведь не виновата... Не плачь, бабушка, слышишь? – первый раз Марека назвала Руфину Семеновну бабушкой. Руфина Семеновна обняла ее голову, трудно было остановиться, горячие слезы текли и текли.

– Очень горькими были мои уроки. Слишком поздно я поняла, как больно бьет неправильный выбор. Ты прости меня, Машенька, что я так долго... Ты прости меня, девочка моя...

Глава 10

«Будет гроза», – подумал Сергей. Небо легло на горизонт черничным киселем, ветер, еще не сильный, но уже резкий и холодный, дул в спину, рвался к реке. Вот и дом показался. Что-то Роя не видать, не бежит навстречу. Грозы, что ли, испугался, теленок... Не бывало такого с ним. А что за тряпка на заборе болтается? Сергей не любил непонятных вещей. Все должно быть ясно, как, например, то, что такое небо несет грозу, да еще и с градом, что град побьет огурцы – опять ведь теплицу не поставил, что огород можно будет не поливать дня два и в лесу завтра делать нечего – сырые ягоды брать нельзя.

А эта тряпка на заборе непонятна. И от этого нехорошо. Не развешиваю я тряпки на заборе, да и не было у меня такой большой белой тряпицы. Ба, да это платье! Вон как трепыхается под ветром. Того и гляди, улетит сейчас. Сырое... Кого это черт принес? А внутри ёкнуло. Нет, не ёкнуло, а стукнуло. Бабахнуло так, что кровь волной ударила в голову, ноги стали ватными, руки ослабли и задрожали. Дверь открыта настежь, на крыльце уже пляшет Рой, крутит хвостом, как пропеллером.

Сергей медленно поставил холщовый рюкзак с продуктами на ступени. Потом сел сам. Покурить надо. Достал мятую пачку «Беломора». Не прикурить никак – ветер разгулялся уже не на шутку. Рой болтается туда-сюда, скулит. Молчи, дурак. Кто пришел-то, а? И чего платье мокрое на заборе висит? По реке, что ли, приплыла? Рой, стой, тебе говорят! Она там что, без платья, что ли, в комнате-то?...

Сергей молча, жадно курил. Первые капли со стуком разбивались брызгами о крыльцо, барабанили по крыше. «А-а-а, будь что будет!» – И Сергей, крикнув, вошел в дом, крепко затворив за собой дверь.

Ольга в мужской клетчатой рубаше стояла у стола и смотрела в окно. Когда Сергей вошел, она только повернула голову. В комнате стало совсем темно, по стеклу уже сплошным потоком текла вода, крупные градины отскакивали от подоконника. Ярko полыхнула молния, от грома задрожали рюмки в буфете. Сергей сжал зубы так, что они чуть не сломались. Гром раскатами пошел дальше, а рюкзак громко упал, стукнув об пол чем-то стеклянным. Этот звук прозвучал как выстрел стартового пистолета.

Он крепко сжал руками ее голову, как будто боялся, что она сейчас убежит, и долго, сильно целовал ее в губы, в шею, в глаза. Дотянувшись через Ольгу до стола, смахнул все, что

там стояло, на пол – и оно зазвенело, покатилося, полилось... – приподнял и посадил ее на стол, пытался расстегнуть рубаху, но пальцы не слушались. Рванул, и пуговицы горохом посыпались на пол... Ольга тихо застонала, и он не смог выдержать – вошел, вонзился, погрузился в нее весь, без остатка, растворился в ней, горячей, вздрагивающей, запрокинувшей назад голову...

А потом смеялись, собирали с пола черепки разбитых кружек, жадно отрывали руками хлеб, макали в сметану, запивали молоком прямо из банки. Молоко текло по щекам, по шее, по животу... Сергей не давал Ольге одеться, затопил печку, чтоб она не замерзла, открыл заслонку, и оранжевые блики прыгали по ее гладкому, такому желанному и недоступному доселе телу. Молоко, которое текло по ее шее, животу и бедрам, было таким непривычно густым, таким сладким, что Сергей не мог оторваться...

Лиловая северная ночь прекратила дождь и тихо лежала туманом за запотевшим окном. А они лежали рядом на широкой деревянной кровати.

– А чего ты меня не спрашиваешь ни о чем, Сереж?

– А чего тебя спрашивать... Что было – потом расскажешь, если захочешь. А что будет, я и так теперь знаю. Я теперь тебя никуда не отпущу. Не отпущу, слышишь? И так, почитай уж, двадцать годов ждал. Не отпущу.

– Да я и сама не уйду, Сереж. Я не уеду от тебя, никуда не уеду.

– А дочку твою мы заберем, ей здесь хорошо будет. И школа есть в районе. Автобус по утрам заезжать будет, я схожу, договорюсь. В этом году так переживем, а весной я избу отделаю, машину куплю – одному-то мне и так добро было.

– Нет, Сереж, не повезем ее сюда, если только сама не захочет. Пусть в Москве живет, с отцом. Ей хорошо там, я чувствую. А избы у нас с тобой теперь целых две: хочешь – тут живи, хочешь – там. Забор только убрать надо.

– Забор-то я уберу. С утра и уберу. А ты мне пацана родишь... Чего притихла? Эй, парня-то мне родишь?...

Глаза Ольги были закрыты, но он почувствовал, как наполнилась она опять чем-то несусветно горячим, как запульсировала тоненькая жилка у самой ключицы, как выгнулась ее спина, напряглись ноги, и... услышал он этот тихий глубокий стон, от которого весь мир перестает существовать...

Глава 11

Саша работал художником в небольшой фирме при галерее современного искусства.

– Саш, тебя к телефону. Кажется, мама. Будешь разговаривать?

Вика, новая сотрудница, именующая себя полиграфистом-технологом, прижала телефонную трубку к смуглому упругому животику с голубой прозрачной бусиной в пупке, что призывно открывался между тугими джинсами и короткой майкой.

– Да, конечно. Спасибо, сейчас подойду. – Вика не шевельнулась, и Саше пришлось протиснуться между ней и столом, вдохнуть запах модной, но резковатой для лета туалетной воды и снять трубку прямо с горячего, слегка вспотевшего живота.

– Привет, мам! Ну как? Неужели прошла?! За полчаса? Ну, то-то! Знай наших! Молодец Машка, ничего не скажешь! А что вы так долго? Праздничный ужин? Конечно, надо отметить. У меня, правда, были некоторые планы, но я приду пораньше. Раз такое дело, обязательно приду.

Вика, чтобы не отходить далеко, решила полить цветы на подоконнике. «Никак не могу понять, что он за человек. На самом деле такой вежливый – спасибо, пожалуйста, слушаю вас, сейчас подойду – или просто прикидывается?» Сколько здесь работаю, ни разу не видела, чтоб из себя вышел. С мамой сюсюкает, как пай-мальчик. Кажется, ему уже под тридцать, а все еще не женат. Хотя выглядит гораздо моложе. Не дай Бог, сегодняшний вечер из-за мамы опять

пропадет. Эту ситуацию надо ломать. Шурик – всё-таки очень интересный вариант. Ну, талантливый – это понятно. Вся фирма только на его работах держится. Интеллигентный, умный, что ни спросишь, все знает. Внешность что надо, женщины на улице за него то и дело взгляд цепляют. А ему все равно – не замечает ничего. Значит, не бабник. Коренной москвич, говорят, живет где-то на Садовой в большой квартире вдвоем с матерью. При деньгах всегда... Всё так хорошо, что непременно должны быть какие-то скрытые дефекты. Но с ними мы потом разберемся. А пока все развивается очень даже... Два раза были в кафе, один раз в кино, целовались в машине и у подъезда, как школьники. Давно так ни с кем не целовалась – понравилось. Зайти не захотел, сказал, дома ждут. Надо как-то ускориться. Он вроде прикипел уже ко мне, сопротивляться не будет. Жить в старом доме на Садовой – это же просто мечта! А для мамы его потом можно квартирку однокомнатную снять ну или что-нибудь еще придумать.

– Отпуск – это ты правильно говоришь. Действительно, взять, и махнуть с ней в Крым на месяц. Конечно, нужно. Не уговаривай меня, я и сам об этом думал. Я сегодня с шефом поговорю. В июле мертвый сезон, заказов не будет, должен отпустить. Да-да, прямо сегодня и поговорю. Ну все, ждите. Купить что-нибудь по дороге? Ладно. Машке привет.

– Шурик, а ты помнишь, что у нас с тобой на сегодня запланирован романтический вечер? – Вика прислонилась спиной к стене, выгнула спину и взмахнула длинными ресницами, напустив на глаза влажно-туманную поволоку.

Саша почесал голову карандашом. Конечно, Вика была чертовски соблазнительной девушкой. Откуда они только берутся, такие красивые девушки с переливающейся кожей, с длинными тонкими пальцами и душистыми пепельными волосами...

– Вик, ты прости меня. У меня дома важное событие произошло. Я не могу не прийти. Давай мы с тобой романтику перенесем на завтра, например?

– Ну-у-у... Мы так не договаривались. Я сегодня все дела отменила, хотя планы были грандиозные. А почему ты не хочешь взять меня с собой, показать, где ты живешь, с мамой познакомить? Я же ей понравлюсь. И к тому же я обожаю семейные праздники. Тебе ведь не понять, как тяжело жить одной в этом чужом городе, как я скучаю по нормальной домашней еде, как...

– Все-все-все! Только не надо надувать эти красивые губки! Значит, сегодня ко мне в гости. По крайней мере, вкусную домашнюю еду я тебе гарантирую.

А дома Руфина Семеновна торжественно посвящала Мареку в кулинары. К еде Марека всегда относилась равнодушно. Но само действие, незнакомые названия блюд, бабушкины ловкие движения, жар кухонной плиты, потрескивание сковородок, рождение новых запахов, – все это было сродни шаманскому обряду. Марека вдруг вспомнила, как в сенях у деда Ильи под потолком висели пучки душистых трав, а в берестяных лукошках, что выстроились рядком на высокой полке, Марека нашла сушеные птичьи лапки, скрюченные коготки, перья, комки белого, красного и зеленого мха и много еще непонятного сыпучего и пахучего мусора. А дед говорил: «Врачевала прабабка твоя Полина. С кого сглаз али порчу снимет, от кого коровий мор отведет, а кого и вовсе из могилы подымет. Уважали ее. Побаивались, однако. За глаза не иначе как ведьмой величали. А я так думаю, что она Богом отмечена была. Он и забрал ее. А куда ей еще? Ей только к нему дорога. Э-хе-хе, скоро уж и мой черед придет. Зачастила что-то ко мне моя Полюшка, видать заберет скоро. Ты, девка, глазами-то моргай, а то глядишь, как птица, аж не по себе делается. Да ты не бось, я помирать-то тихо буду. И не завтра, чай. Я вот тебя мамке осенью сдам, а там и поглядим. Зима-то сей год суровая будет... А травы-то пушай висят, не трогаю я их. Не я собирал, не мне и убирать это добро. Пойдем-ка мы с тобой лучше печку затопим. К ночи-то протопить надо, холодает уже. Бери-ка вон поленце, и пойдем в избу, а то застынешь тут».

– Маша, ты что, уснула? Давай-ка шевелись. Устала, наверное, за день? Это мы с тобой пачу варим из бараньей ножки. А сейчас пирожки будем печь, с медом и орехами. Они должны быть маленькие-маленькие и чтоб во рту таяли. . .

Как любой покоритель Москвы, испытывающий проблемы с жильем, Вика то и дело рисовала себе в мечтах район, дом и квартиру, где хотела бы жить. Это были приятные мечты, и тем приятнее, чем смелее и несбыточней. Но такого она себе даже вообразить не могла. Она перевела дух, покружилась на месте, обводя глазами высоченные окна, громко крикнула вверх: «О-го-го!», чтобы услышать эхо, подпрыгнула и зажмурилась.

– Ты что, в этом доме живешь? Разве здесь еще есть жилые квартиры? Я думала, его раскупили на офисы, а в той части сделали музей.

– Музей еще не сделали, пока только собираются. Хотя проблем уже и сейчас хватает. Офисов много, ты права. Но жилые квартиры тоже остались. Не все же можно продать и купить. . . Кто-то здесь всю жизнь прожил. Вот как мы, например. Пойдем, а то нас заждались уже. Окрестности я тебе потом покажу.

Когда хлопнула входная дверь, Марека вприпрыжку поскакала по коридору. Руфина Семеновна услышала, как она резко остановилась. «Мам, иди сюда. Я вам гостью привел». Гости так гости. Руфина Семеновна сняла фартук, привычным жестом провела рукой по волосам, подколола шпильку в пучке и пошла знакомиться.

– Ну вот. Это Руфина Семеновна, моя мама. Это наша Маша. А это – Вика. Прошу любить и жаловать.

– Здравствуйте, Вика. Очень приятно. Проходите. Маша, – бабушка хотела ей что-то сказать, но осеклась. Марека, подняв левое плечо, медленно, сверху вниз вела глазами по Вике, а потом закусила губу и остановила взгляд на голубой бусине. Здраваться она вовсе не собиралась. – Проходите, Вика. Мы, если честно, уже заждались.

– Какая милая девочка. . . Саша говорил, у вас сегодня какой-то праздник? Расскажите? – Вика защебетала, восторженно озираясь по сторонам. – Саша, ну что же ты стоишь? Веди меня скорее внутрь, это же настоящий музей! Я никогда не бывала в таких квартирах. . .

Бабушка пошла за дополнительным столовым прибором, Саша начал обзорную экскурсию по квартире, а Марека так и осталась в коридоре с поднятым плечом.

– Она что, немножко того? – Вика покрутила пальцем у виска. – Странная девочка. А кто она тебе? Родственница какая-то? Чем-то похожа. Ой, какая чудесная люстра! Она из настоящей бронзы? А это что за старичок? Он сердитый и очень смешной. Саша, какая прелесть! Кажется, это называется «горка». Какого она века? Можно я возьму вот эту штучку в руки? О-о-о!!!

Праздничный ужин получился не очень веселым. Про повод довольно быстро забыли. Марека, так и не проронив за столом ни слова, очень быстро ушла спать, пожелав всем доброй ночи. Руфина Семеновна вежливо слушала Викины восторги и болтовню, а Саша галантно, по-светски, ухаживал за дамами. Правда, на Руфину Семеновну старался не смотреть. А после чая сразу предложил Вике пойти прогуляться. Уходить она, похоже, так быстро не собиралась, но Саша настойчиво приподнял её из-за стола. То ли шампанское ударило Вике в голову, то ли обилие вкусной домашней еды, но перед уходом она расцеловала опешившую Руфину Семеновну, прослезилась от того, что теперь наконец-то есть дом, где ее ждут, и клятвенно обещала, что будет заходить почаще.

Вернулся Саша уже под утро.

– Где ты был? – Руфина Семеновна вышла из своей комнаты. Даже в утреннем полумраке было заметно, что она какая-то потухшая, с непривычно опущенными плечами. Саша понял, что она даже не ложилась. На ум вдруг пришла подходящая цитата, там было примерно так: «Где вы были? – У вдовы. Теперь, как честный человек, я должен на ней жениться. Знойная

женщина, мечта поэта». И что-то про милую провинциальную непосредственность. Забавно... Саша хмыкнул.

– Мам, а может, мне жениться? Как ты считаешь? Кажется, я готов...

– Саша. Ты пьян. Иди проспись. И не забывай, что у тебя есть дочь. Подумай, имеешь ли ты право на безрассудные поступки...

Глава 12

От голосов в прихожей Марека проснулась. Бабушка с Сашей разговаривали тихо, но она все слышала. В горле застрял колючий ком, и сердце застучало прямо в голове. Пришлось сесть, чтобы отдышаться. Марека вопросительно посмотрела на Моисея.

– Она мне тоже не понравилась. Весь дом разорит. Не верь ей, девочка, ни одному слову не верь. Она же сейчас, как лиса, всех обхаживать начнет, а потом скушает каждого по одиночке. Но Сашка нас с тобой слушать не будет. Вернее, тебя. Я к нему не могу пробиться, закрыт он для меня. А что ты ему скажешь? Не женись на ней, потому что она нам с Моисеем не нравится?...

Вдруг в комнате, около кровати Мареки, возникла старушка. Маленькая, щупленькая, сутулая, лопатки, как цыплячьи крылышки торчат. В мягких серых валенках, в темном, в рябенький цветочек, длинном платье и белом ситцевом платочке, аккуратным узлом завязанном под подбородком. По этому белому платочку Марека и узнавала прабабку Полину: лица её никак не могла разглядеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.